

В.В. Щебланова
**УГРОЗЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ:
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

Статья представляет собой попытку проанализировать новые практики, институционализирующиеся в нашей повседневной действительности в ответ на глобализацию такой угрозы современного общества, как терроризм. Речь идет о конструктивных способах реагирования, возникающих не только на уровне государственных и межгосударственных структур, но и на уровне общественных объединений, организаций региона, на уровне среднего образования и профессиональной специализации. С использованием концепций повседневной жизни, категорий, описывающих логику повседневных взаимодействий, автор намечает направления анализа правил повседневного поведения, связанных со стремлениями людей к безопасности.

Глобализация рисков современного общества

Современная социальная реальность динамична и событийна. На рубеже веков становление взаимозависимого в своих частях социума как устойчивой общности ускорило и стало принимать планетарные масштабы. Это явление получило название глобализации (Маркович 2001: 18), включающей противоположным образом направленные процессы и представляющей собой весьма сложный прогресс развития человеческого общества. Можно привести длинный перечень объединенных усилий стран и народов, которые позволили человечеству значительно продвинуться по пути социального прогресса. Однако не менее впечатляющ и список поражений, а увеличивающиеся масштабы глобальных социальных угроз заставляют считаться с этой стороной действительности в первую очередь (Левашов 2001: 24). Конец XX в. показал, что главный итог ушедшего столетия — не огромные технические достижения и радикальные геополитические перемены, а возникновение новых рисков и угроз (Владимиров, Воробьев 2000: 54).

Существует множество не противоречащих друг другу определений и толкований понятия «риск», который мы будем рассматривать как угрозу, опасность возникновения ущерба в самом широком смысле слова. К. Исаев определяет риск как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми процессом модернизации как таковым (Исаев 2001: 15). Если в доиндустриальную эпоху можно было подготовиться к «наихудшему мыслимому бедствию», то со второй половины XX в. такой возможности практически нет (Владимиров, Воробьев 2000: 55). Опираясь на концепцию У. Бека, Э. Гидденс (Giddens 1990: 111) отмечает, что понятие риска (как ключевой характеристики социальной жизни) в практическом сознании людей приходит на смену понятию «судьбы» и становится центральным в обществе, которое открывается проблематичному будущему. Экзистенциальная тревога становится устойчивым фоном жизнедеятельности индивида.

Общество риска — это общество катастроф, в котором чрезвычайное положение грозит стать нормой жизни, а зло становится тривиально повседневным. Нынешние риски и опасности, в общем и целом, представляют собой продукт передовых промышленных технологий, и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усиливаться (Бек 2000: 24). Террористические акты совершались и ранее, но сегодня они принимают глобальные масштабы и имеют совершенно иные социальные и политические последствия.

У. Бек выделяет три измерения угроз, которые несет в себе глобальное общество риска. Каждое из них следует собственной логике конфликта, поднимает или вытесняет свои темы, устанавливает или отбрасывает свои приоритеты. Во-первых, это экологические кризисы, во-вторых, — глобальные финансовые кризисы и, в-третьих, как стало очевидно после 11 сентября, — террористические угрозы, исходящие от транснациональных террористических сетей (Бек 2001). Таким образом, повседневность глобального общества риска возникает и существует как осознание проблемы глобальных последствий цивилизационных процессов, неважно, какую форму глобальности они имеют, будь то финансовые потоки, природные катаклизмы или терроризм.

Технологические катастрофы, бедствия, крупномасштабные теракты (являющиеся частью репертуара массовых страхов) порождают ответные реакции общества, организаций и групп, требуют адаптации к ним личности и населения в целом. И эти проблемы катастроф, дезорганизации, деструкции можно рассматривать в контексте проблем выживания, развития общества, поиска социальных сил, которые могли бы способствовать укреплению позитивных процессов. Такой прагматический подход побуждает исследователей обращаться к социальным функциям страха, его значению в процессе социальной мобилизации как стимула для людей совершать поступки, которые позволяют избежать негативного развития событий, что особенно важно для осмысления влияния катастрофизма на социальную жизнь (Матвеева, Шляпентох 2000: 7).

Мобилизующая и демобилизующая функции страха

Страх как социальное чувство — неотъемлемый элемент ментальности людей. Воздействие массовых социальных страхов на поведение особенно значительно в моменты национальных катастроф. Страх можно рассматри-

вать как сдерживающее начало, формирующееся под влиянием различных факторов. Существуют разнообразные типологии страхов: страхи специфичные и универсальные, социализированные и несоциализированные, индивидуальные и массовые. Различают исторически и культурно детерминированные страхи, однако есть и универсальные страхи, которые воспроизводятся с небольшими вариациями в разное время и в разных культурах. Среди них — страхи перед природными бедствиями, войной, революцией, серьезными ущербами, утратой независимости, которые можно отнести к массовым страхам. Они сохраняются достаточно долго как значимый элемент общего эмоционального фона социальной жизни. Подобные массовые страхи откладываются в «коллективной памяти» того или иного общества и уходят в «копилку» культурного наследия. Ужас перед татаро-монголами, отождествление немца с фашистом (Матвеева, Шляпентох 2000: 31–37), или, сегодня, чеченца с террористом — зачастую проносится через столетия.

Страх оказывает влияние на ту или иную стратегию поведения людей, а иногда и определяет ее. При этом активная реакция на страх может проявиться в конструктивном или разрушительном поведении. В условиях массового страха или бедствия лишь конструктивное поведение способно повысить выживаемость, поэтому чрезвычайно важно научить людей этому способу реагирования на страхи. Способами подготовки людей к конструктивному реагированию на ситуации страха и стресса могут служить учения гражданской обороны, индивидуальная подготовка людей к действиям в чрезвычайных ситуациях, согласованным с действиями силовых структур и подразделений, обучение навыкам спасателей (Там же: 41–44).

Как известно, страх может разоружать людей, вызывать панику, волны дезорганизации. Составным элементом процессов социальной демобилизации являются массовые настроения, проникнутые чувством апатии и безнадежности. Более того, страх способен выступить тем фактором, который не только ускоряет негативные процессы, усиливает имеющиеся опасности, но и превращается в самостоятельный фактор, вызывающий катастрофы (Там же: 53).

Рассуждая о духовных последствиях военного насилия, П. Сорокин утверждал: «война — это аппарат, прививающий и укрепляющий переживания и рефлексы злобы, ненависти, разрушения, неуважения к жизни, свободе, правам и достоянию личности» (Сорокин 1990: 40–43). По мнению исследователей А.В. Дмитриева и И.Ю. Залысина, чем более масштабный характер носит использование физического принуждения, тем сильнее его влияние на духовную жизнь общества. Политическое насилие обуславливает дегуманизацию межличностных отношений (Дмитриев, Залысин 2000: 137). Примером тому могут служить превентивные войны, возникающие в результате опасений, что противоположная сторона начнет ее первой; неоднократно в истории массовый страх вызывал разрушительные действия — беспорядки, погромы, убийства и насилие. В настоящее время рост ксенофобий со стороны местного населения (которое переносит негативные чувства на представителей тех этносов или конфессиональных групп, которые ассоциируются с терроризмом в масс-медиа), рост межэтнической и меж-

конфессиональной напряженности является не только последствиями террористических действий, но и их причинами (Щербланова 2003: 75).

Повседневные механизмы восприятия опасностей: теоретические концепции

Исходя из идеи Э. Гидденса об аналитической первичности «социальных практик» относительно общественных систем, можно концептуализировать социальную жизнь как сплетение повседневных практик, непрерывность существования индивидов в конкретных контекстах (В.Н. Фурс). Знание об измерениях социального мира люди обретают с помощью обыденного мышления повседневной жизни. Повседневное — это наше «хорошо забытое настоящее», все то, что избегает анализа, не требует рефлексии и раздумья, а как бы само собой разумеется. В тоже время повседневная жизнь конспиративна — в традиционном смысле этого слова, т. е. сохраняет традиции и подает нам идеологию, завуалированную здравым смыслом, олицетворяя одновременно спонтанность и застой. Потеряв возможность продолжать обычную повседневную жизнь во время войны, в эпоху социальных катаклизмов и катастроф, люди начинают вспоминать и ценить ее. Ведь «хорошо знакомое может превращаться в жутковато-фантастическое, повседневное и невероятное — это братья-близнецы, двойники-антиподы одной эпохи» (Бойм 2002: 10). И с этим связано особое современное понятие «повседневного».

Безопасность современной повседневной жизни, нарушаемая взрывами, катастрофами, терактами, становится одним из самых дефицитных благ существования, результатом усилий власти, спецслужб и повседневных действий людей, спасающих общество от террористов и других «похитителей» безопасности. Люди имеют общие интересы уже в силу того, что сталкиваются с глобальными рисками, общими для большинства. Совместные миры взаимодействий и коммуникаций состоят из событий, общих для той или иной группы людей (Смирнов 2003: 30). Исходя из такого понимания реальности, можно предположить, что и стремление людей к безопасности — не только одно из условий совместного существования с другими, но и готовность к со-бытию, смыслообразованию и взаимодействию.

Потребность в безопасности и стабильности существования, уверенность в завтрашнем дне занимает вторую ступень в пятиступенчатой классификации потребностей личности А.Г. Маслоу и является потенциально значимой для среднестатистического индивида. Социальную безопасность мы будем понимать как «состояние защищенности личности, социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных интересов, социальных прав и свобод» (Силласте 2000: 7). Аналогичным образом понятие безопасности рассматривается в Законе РФ «О безопасности», — «это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

При этом центром чувства безопасности, вплетенного в рутину повседневности, является позиция «доверия»: переживание онтологической безопасности формируется и поддерживается механизмами рутинизации человеческого поведения в среде повседневности, благодаря чему индивиды от

одной ситуации к другой несут на себе своеобразный «защитный кокон». Новый характер рисков требует изменения механизмов доверия: в посттрадиционном обществе социальные отношения формируются на основе «активного доверия», которое инвестируется индивидами абстрактным системам и другим индивидам с учетом возможных альтернатив. То есть, чтобы выжить в мире без абсолютной системы отсчета, в мире неограниченной рефлексивности, индивиды в своей повседневной жизни должны самостоятельно интерпретировать происходящее и активно адаптировать экспертное знание (В.Н. Фурс), отличное от повседневного, к профилю собственной ситуации, руководствуясь при этом и тем, что подсказывает им их биографический, а также коллективный *риск-опыт*. «Способность к рефлексии, свойственная людям как субъектам деятельности, как правило, вовлечена в поток повседневного поведения, демонстрируемого в контексте социальной активности» (Гидденс 2003: 18).

Можно сказать, что человек живет внутри понятых им отношений. Но этому пониманию присущ не только фрагментарный характер; поскольку оно ограничено небольшими секторами социального мира, оно зачастую непоследовательно, и ему свойственны различные степени ясности и отчетливости: от всестороннего «знания-о», через «знание-знакомство» или простую осведомленность, к слепым верованиям, принимаемым в качестве само собой разумеющихся. И в этом отношении существуют значительные отличия одного индивида от другого и одной социальной группы от другой (Шюц 1994: 57).

Согласно концепции П. Бурдьё (Бурдьё 2001: 159), между отдельными действиями индивида существует смысловая связь, опосредованная его практической заинтересованностью, практической вовлеченностью в ситуацию. Всякое практическое действие, связанное со смыслом предшествующих ему действий, включено в историю игры на данном социальном поле и раскрывает его смысл. То есть практическое действие можно рассматривать как означающее, а предшествующие действия — как означаемые (Смирнов 2003: 29). Существует смысловая преемственность событий, ткущая ткань наших миров: коммуникации, повседневные практики упорядочены той смысловой связью, которая рождается в происходящих событиях, несмотря на то, что мир пульсирует от действия к действию, и каждое событие может иметь новый, непредсказуемый смысл. Постоянно происходит обновление ситуаций риска, которые трудно прогнозировать (глобализация терроризма, например), что превращает повседневную жизнь человека в постоянный процесс «риск-восприятия и риск-осмысления» (Кравченко, Красиков 2004).

По И. Гофману, когда человек распознает какое-либо событие (в том числе и интересующие нас опасность, угрозу), он вкладывает в свое восприятие одну или несколько систем фреймов (Гофман 2003: 81), схем интерпретации. Системы фреймов различаются по степени организации: некоторые из них представляют собой хорошо разработанную систему постулатов и правил, другие — задают лишь самое общее понимание, подход, перспективу. В повседневной жизни нашего общества отчетливо ощущается различие между двумя обширными классами систем фреймов — природными и социальными

ми. Так, природные фреймы можно определять как рамки восприятия, схемы интерпретации событий, полностью неуправляемых от начала и до конца. Социальные же фреймы, напротив, обеспечивают фоновое понимание событий, в которых участвует воля, целеполагание или разумность. В такой деятельной силе нет неумолимости природного закона, с ней можно договориться, ей можно противостоять. Здесь учитываются мотивы и намерения, и здесь мы имеем дело с делами, а не просто с событиями (Гофман 2003: 82).

Фреймы как рамки восприятия такой угрозы «общества риска», как терроризм, на наш взгляд, занимают некое промежуточное положение между природными и социальными. С одной стороны, они социальные, так как террористические действия имеют направленность, мотивы, намерения. Но с другой, в эпоху новых технических достижений, мгновенных коммуникаций, заданная перспектива интерпретации террористических действий, превенции их последствий не всегда возможна, локус контроля включает в себя и возможные неудачи, что приближает терроризм к предопределенным природным событиям, случайным происшествиям и катастрофам. Здесь можно вспомнить высказывание Ж. Бодрийяра, приравнивающего террористический акт к катастрофам, происходящим в природе: «Никакой разницы между “естественным” действием природы и “человеческим” действием терроризма не существует» (Бодрийяр 2000: 66).

Важной особенностью человеческой деятельности является способность участников игнорировать параллельные события, людей, не являющихся частью данного смыслового поля, т. е. способность отключать внимание и осознанный контроль (Гофман 2003: 270). При этом повседневную заботу о безопасности можно рассматривать и как одновременные действия, занятия, осуществляемые параллельно с основными (например, ехать в транспорте/замечать подозрительные предметы, бесхозные сумки, подозрительных личностей). Разнообразные одновременные занятия всегда существовали и существуют в повседневной деятельности людей (завтракать/слушать радио).

Для обозначения основных занятий можно использовать термин «первичные», для одновременных — «вторичные» виды деятельности. Расширение перечня вторичных видов деятельности, рост их продолжительности являются следствием индустриализации, урбанизации, глобализации. Причем некоторые первичные виды деятельности в определенный момент становятся вторичными занятиями (Патрушев 2003: 106–107). Диапазон моментов, воспринимаемых как основные или побочные, варьирует от ситуации к ситуации (Гофман 2003: 269). Так, следование правилам безопасности, их чтение, слушание, внимательность, чуткость и даже подозрительность к окружающему миру становятся первичными видами деятельности непосредственно после террористических событий. Затем по истечении времени они имеют тенденцию к уменьшению, превращению в сопровождающее занятие, а иногда и просто в «шумовой фон» для других занятий.

Большинство людей является потребителями специальных знаний в форме устных и письменных инструкций (например, инструкции по безопасности при использовании метрополитена). Вероятно, множество новых специ-

альных знаний появляется в нашей жизни без нашего согласия. Использование этих специальных знаний (инструкций, правил по безопасности) будет ограничивать нашу свободу, блокируя некоторые варианты выбора, предлагая невыгодные или вообще «невозможные» варианты, и, тем самым, усиливая власть над нашей свободой передвижения (Бауман 1996: 211), несмотря на то, что появляющиеся устные и письменные инструкции, конечно, направлены на то, чтобы сделать нас более свободными и властными над своей собственной жизнью, ее безопасностью. Снабжая нас правилами выживания, искусства жить и выживать, инструкции призваны клишировать и ритуализировать реакции людей на ситуации опасности, предохранять нас от созерцания катастрофического, обеспечить хотя бы минимальную предсказуемость повседневной жизни, так необходимую в «обществе риска».

Новые практики противостояния террористической угрозе

Как известно, реализация террористических угроз, в первую очередь, приводит к большому количеству человеческих жертв, материальным затратам, нарушению на длительный срок нормальной жизни людей, созданию атмосферы страха и ужаса, что является неизбежными и ожидаемыми следствиями применения терроризма. Причем, терроризм можно рассматривать как неожиданное, быстрое, радикальное травматическое социальное изменение (Штомпка 2001: 6–8), кодирующее сценарии повседневного поведения и метасценарии индивидуальной жизни в целом.

Для предотвращения терактов, устранения негативных последствий террористических действий необходима мобилизация адекватных массовых усилий, требующая взаимодействия государственных и общественных структур. В связи с этим появляются новые практики противостояния терроризму, возникающие как на уровне государственных, межгосударственных структур, так и на уровне общественных объединений, организаций региона, на уровне среднего образования, профессиональной специализации, на уровне повседневных взаимодействий людей.

Как уже отмечалось, неизбежным следствием терроризма являются человеческие жертвы, материальные затраты и духовные потери. В настоящее время не только природные явления и техногенные катастрофы создают чрезвычайные ситуации. Террористические акты выделены в составе чрезвычайных ситуаций, происшедших на территории РФ в 2000 г., об этом сообщается в «Государственном докладе о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций».

В связи с увеличением за последние годы на территории РФ чрезвычайных ситуаций, унесших немало человеческих жизней и причинивших значительный материальный ущерб, появилась реальная потребность расширения круга граждан, имеющих право на участие и проведение поисково-спасательных работ в чрезвычайных ситуациях. Ответной реакцией на возникающие угрозы, следствием чрезвычайных ситуаций является институционализация новых социально-структурных особенностей. Проявляется это в том, что на уровне среднего образования происходит становление новой профессии — «спасатель».

В целях подготовки учащихся общеобразовательных учреждений к действиям в условиях чрезвычайной ситуации, популяризации деятельности поисково-спасательных формирований МЧС России и подготовки для них резерва в 2000 г. в городах РФ создаются кадетские школы. В Саратовской СОШ № 77 с сентября 2000 г. открыты классы спасателей с целью разностроннего развития личности учащихся, получения ими дополнительного образования в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций мирного и военного времени, профессиональной ориентации, а также пропаганды и популяризации среди молодежи здорового и безопасного образа жизни.

Как отметили наши респонденты, *«выпускники класса спасателей готовы оказывать помощь пострадавшим в результате распространенных в последнее время взрывов жилых домов»*, хотя для спасателей не имеет значения, *«просто ли взрыв произошел, или террористы взорвали, для них не важны политические цели, они должны быть готовы оказать помощь, спасти»* (Из интервью с преподавателем ОБЖ, директором СОШ № 77, 2004). В рамках занятий по гражданской обороне и расширенного изучения обеспечения безопасности жизнедеятельности с ребятами проводятся тренировочные эвакуации: *«имитируем возможность теракта — подозрительные предметы оставляем, ситуации прорабатываем: на одном этаже — заложено взрывное устройство, на другом — пожар, на третьем — заражение отравляющими веществами»*. Таким образом, раз в неделю в школе проходят учебные эвакуационные мероприятия с целью оценки состояния готовности учащихся к выполнению необходимых задач, совершенствования их профессиональной подготовки к работе в условиях экстремальной ситуации. Появление новой профессии «спасатель» на уровне среднего образования может рассматриваться как активная реакция системы образования на актуальные проблемы, как противодействие негативным и поддержка позитивных социальных тенденций в поле взаимодействия общества и образования в России.

Устранение и смягчение негативных, дисфункциональных последствий терроризма, затрагивающих основу способности агентов к созиданию, вызывающих трагические перемены в жизненном мире людей, моделях их поведения, нарушающих обычный образ мыслей и действий, связано с привлечением спектра возможностей социальной работы, перед которой стоят задачи превентивного и реабилитационного характера по ликвидации последствий террористических действий. Аккумулируя опыт и развивая традиции исторически предшествующих практик социальной работы, сегодня в России социальные работники стали заботиться и поддерживать людей, пострадавших из-за боевых действий, преступлений, чрезвычайных бедствий и катастроф (Марцинковская 2002: 17–39). В настоящее время в России существуют и создаются новые государственные, общественные или частные организации со своим уникальным опытом. Речь идет о следующих организациях:

– неправительственный благотворительный фонд медико-социальной реабилитации «Центр помощи жертвам социальных проблем, терроризма и военных конфликтов» (Санкт-Петербург);

– государственное учреждение «Реабилитационный центр по социальной адаптации инвалидов и участников военных действий», располагающий опытом работы с жертвами терроризма и криминального насилия (Москва);

– Штаб общественно-гражданских объединений по поддержке семей, пострадавших от терактов, функционирующий при Центре «Социальное партнерство» (Москва);

– региональная общественная организация «Стимул», являющаяся участником благотворительной программы «Медико-психологическая и социальная помощь инвалидам, жертвам насилия, бедствий и катастроф» (Москва);

– «Федеральный центр по медико-психологическим последствиям чрезвычайных ситуаций», организованный на базе государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского.

Непосредственно в воинских частях, участвующих в антитеррористических боевых операциях, есть социальные работники, контролирующие и участвующие в реализации социальных, психологических, педагогических мероприятий, направленных на восстановление, коррекцию или компенсацию нарушенных психических функций, состояний, личностного и социального статуса людей, получивших психологическую травму (Минигалиева 2002: 171–190).

Стихийные бедствия, техногенные катастрофы и терроризм, ставший одним из наиболее опасных вызовов современности, необходимо рассматривать сквозь призму безопасности — условия и смысла человеческого бытия. Как замечает И. Шершнев, надежным и действенным способом выстраивания вертикального и горизонтального пространства безопасности россиян может стать общественная система безопасности, понимаемая как система реализации и защиты потребностей, интересов и ценностей общества от опасностей и угроз усилиями общественных, негосударственных организаций и объединений, социально ответственных граждан. Данная система образуется и осуществляется членами общества, их объединениями в различных сферах безопасности, в самых различных масштабах — от страны до отдельной квартиры. Впервые в нормотворческой практике РФ Закон обозначил в качестве субъекта обеспечения безопасности самого человека, общественные объединения, организации и другие негосударственные структуры (Шершнев 2000: 356).

Новые неформальные практики, институционализирующие социальную реакцию на опасность террористической угрозы, возникают со стороны ответственности. Как отмечает В. Кузнецов, приоритетность объектов социальной безопасности может меняться в зависимости от условий общества, конкретной ситуации в нем (Кузнецов 2001: 674). После волны терактов, прошедших в российских городах и разрушивших жилые массивы, жильцы домов стали организовывать активные группы самозащиты, проявлять заботу о безопасности собственной жизни. Группы бдительных жильцов, стремящиеся предупредить теракты в домах, организовывали поочередное дежурство и патрулировали подъезды, подвалы, чердаки жилых зданий. Хорошо ориентирующиеся в знакомом помещении, жильцы внимательно осматривали его, стремились выявить подозрительные предметы, ранее отсутствовавшие, и сообщить о них специалистам. В результате активной превентивной деятельности населения

в Саратове был обезврежен ряд взрывных устройств, предотвращены негативные разрушительные последствия терактов.

Таким образом, последствием террористических действий становится актуализация в повседневности понятий бдительности и безопасности для «простых» людей, желание и осознанное стремление граждан внести свой вклад в общую проблему выживания, активизация их коллективного действия — добровольное возникновение инициативных групп самозащиты жителей, использующих профилактические меры для минимизации возможности терактов, реального обеспечения своей безопасности, — как аспект становления культуры безопасности, формирование новых форм повседневной деятельности вследствие реакции на глобализацию террористической угрозы.

Такой реакцией, на наш взгляд, можно считать и возникновение элементов «культурного новаторства», ориентирующихся на актуальность произошедших в последнее время террористических событий в России, США, а также, вероятно, поддерживающих контртеррористическую операцию в Чеченской республике. Речь идет о благотворительной акции «Возьмемся за руки, друзья» (14.12.2001), на которой прозвучал так называемый «гимн антитеррористических сил» — хит-проект ансамбля «Кристалл-Балалайка» и «ex-ОперацЫя», антитеррористический hip-hop remix песни «Не для меня». Акция проводилась совместными усилиями саратовского ансамбля «Кристалл-балалайка», саратовского отделения Российского Фонда Мира и посвящалась произошедшим в последние годы трагическим террористическим событиям. Все сборы от концерта, как отмечалось на мероприятии, будут использоваться для реализации благотворительных программ «Российского фонда Мира».

Как сказал в интервью руководитель ансамбля «Кристалл-балалайка», данная акция — *«акт солидарности с американским народом и свидетельство сострадания мирным жителям России, пострадавшим от взрывов, организованных террористами в городах Волгодонске, Москве, протест против бесчинств террористов в Чечне. Все, что происходит где-то и произошло за последние годы, касается всех нас. Зло интернационально, и все мы сегодня собрались, чтобы высказать свое отношение к тому, что происходит в мире. Аналогичные акции планировалось проводить в других городах России».*

Недавно в Саратове (20.10.2005) был реализован проект «Рэпперы против террора», объединивший выступления представителей рэп-культуры города — одиннадцать местных коллективов. Мобилизация таких культурных инициатив — создание «гимна антитеррористических сил», проведение массовых акций, опирающихся на актуальность террористических событий и отвечающих интересам и запросам аудитории, имеет, на наш взгляд, непосредственное отношение не только к сфере культурного потребления и преследует благотворительные цели, но и выступает инструментом социально-политической консолидации общества против действий террористов.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что сегодняшние риски и опасности характеризуются глобальностью своей угрозы и современными причинами возникновения. В течение многих столетий совершаются террористические акты, но

сегодня они происходят в глобальных масштабах, с иными социальными и политическими последствиями. Защищенность общества убывает по мере расширения спектра и возможных масштабов опасностей, экзистенциальная тревога становится устойчивым фоном жизнедеятельности индивида.

Ядром чувства безопасности, вплетенного в рутины повседневности и становящегося одним из самых дефицитных благ существования, является позиция «доверия»: чтобы выжить в мире без абсолютной системы отсчета, в мире неограниченной рефлексивности, индивиды в своей повседневной жизни должны самостоятельно интерпретировать происходящее и активно адаптировать экспертное знание к профилю собственной ситуации, руководствуясь при этом и тем, что подсказывает им биографический, а также коллективный *риск-опыт*. Кроме того, деятельность людей регулируется фреймами, снабжающими нормативной информацией о том, что должно находиться в фокусе их внимания.

Важной особенностью любого отрезка человеческой деятельности является и способность участников игнорировать параллельные события, людей, способность отключать внимание и осознанный контроль. При этом повседневную заботу о безопасности можно рассматривать и как одновременные действия, занятия, осуществляемые параллельно с основными.

Страх как социальное чувство оказывает влияние, а иногда и может определять ту или иную стратегию человеческого поведения. При этом активная реакция на страх может проявиться в конструктивном или разрушительном поведении. Усиление конструктивного поведения в условиях массового страха, бедствия чрезвычайно важно, так как научение людей этому способу реагирования на страхи повышает их выживаемость в ситуации бедствий.

Появление новых рисков и угроз в нашей повседневности влечет за собой возникновение новых профессиональных групп, объединяющих усилия по борьбе с ним. Происходит добровольная, общественная организация инициативных групп самозащиты жителей, использующих профилактические меры для минимизации возможности терактов, появляются новые практики культурных, благотворительных инициатив, выступающие инструментом социально-политической консолидации людей и являющиеся актом солидарности, свидетельством сострадания жителям России, других стран мира, пострадавшим от террористических действий. Таким образом, ответной реакцией на возникающие угрозы, следствием чрезвычайных ситуаций является институционализация новых социально-структурных особенностей в нашем обществе.

Литература

Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996.

Бек У. Молчание слов и политическая динамика в глобальном обществе риска // <http://www.academy-go.ru/Beck5.shtml>

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000.

Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. Университета, 2000.

- Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- Вайтхед М. Консультирование человека в состоянии горя: модель помощи // Антология тяжелых переживаний: социально-психологическая помощь: Сб. статей / Под ред. О.В. Красновой. М.: МПГУ; Обнинск: «Принтер», 2002. С. 17–39.
- Владимиров В.А., Воробьев Ю.Л. Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. М.: Наука, 2000.
- Гидденс Э. Устроение общества. М.: Академический Проект, 2003.
- Государственный доклад о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2000 году // Безопасность Евразии. 2001. № 2 (апрель-июнь).
- Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003.
- Дмитриев А., Залысин И. Насилие: социо-политический анализ. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2000.
- Закон Российской Федерации «О безопасности» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.
- Исаев К. «Общество риска» в условиях глобализации // Социологические исследования. 2001. № 12.
- Кравченко С.А., Красиков С.А. Социология риска: полипарадигмальный подход. М., 2004.
- Кузнецов В. Основы социологии культуры безопасности // Безопасность Евразии. 2001. № 1 (январь-март).
- Левашов В.К. Глобализация и социальная безопасность // Социологические исследования. 2001. № 3.
- Маркович Д.Ж. Глобализация и экологическое образование // Социологические исследования. 2001. № 1.
- Марцинковская Т. Д. Тяжелые переживания как одна из форм психологического кризиса. 2002.
- Матвеева С.Я., Шляпентох В.Э. Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.
- Минигалиева М.Р. Психологическая помощь спасателям и сотрудникам спецподразделений // Антология тяжелых переживаний: социально-психологическая помощь: Сб. статей / Под ред. О.В. Красновой. М.: МПГУ; Обнинск: «Принтер», 2002. С. 171–190.
- Патрушев В.Д. Одновременные занятия при осуществлении повседневной деятельности горожан и тенденции их изменения // Повседневная деятельность и бюджет времени населения России и их изменения / Под ред. В.Д. Патрушева. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. С. 106–107.
- Райзберг Б. Что такое риск? // <http://www.vsau.ru:8080/riskmen/wr.htm>.
- Силласте Г. Социальная безопасность личности, общества и государства // Безопасность Евразии. 2000. № 1 (январь-июнь).
- Смирнов А.Е. Толерантность: насилие бытия или власть события? // Социальная гетерология и проблема толерантности / Под ред. А.Ю. Зенковой, В.Е. Кемерова. Екатеринбург: Изд. УрГУ, 2003. С. 29–30.

Сорокин П.А. Горькая жатва Марса // Новое время. 1990. № 49. С. 40–43.

Фурс В.Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // <http://knowledge.isras.ru/-01furs.html>

Шершнев И. Общественная безопасность: политологический аспект // Безопасность Евразии. 2000. № 1 (январь-июнь).

Штопка П. Социальное изменение как травма // Социальные исследования. 2001. № 1.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. «РОССПЭН», 1994.

Щебланова В.В. Межконфессиональный вектор социальной напряженности как следствие террористических действий // Тезисы докладов школы стипендиатов фонда Г. Белля. М., 2003. С. 75–78.

Щебланова В.В. Терроризм в условиях глобализации рисков // Современная конфликтология: пути и средства содействия демократии, культуры мира и согласия: тезисы докладов и выступлений на II Международном конгрессе конфликтологов. Т. 1. СПб.: «Наука», 2004. С. 93–95.

Романов П.В., Щебланова В.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Женщины-террористки в интерпретативных моделях российских СМИ (Дискурс-анализ газетных публикаций) // Политические исследования. 2003. № 6. С. 144–154.

Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.